

Александр ЮРЧЕНКО

Грек с Дерибасовской

Георгиос Фарсакидис страдает бессонницей...

И это немудрено. Ему 91 год, он прожил длинную жизнь, и все близкие люди остались в далеком прошлом. Он известный в Греции художник, гравер, коллекционер, мемуарист, писатель, философ. Несмотря на возраст, ведет активную жизнь. Во всех делах ему помогают три помощницы: Разула, Элени и Анна. С ними пришлось вести долгие переговоры о встрече. Наконец, удалось выкроить один вечер между фестивалем греческой коммунистической молодежи, в котором господин Фарсакидис принимал участие, и его деловой поездкой в Афины. Что касается бессонницы, коротать с художником длинные ночи входило в обязанности Анны. С ней он делился своими мыслями и воспоминаниями, а они накатывались одно за другим, как волны Черного и Эгейского морей — с ними Георгиос Фарсакидиса связала нелегкая судьба.

Правило монаха Евпрепия

Как было договорено, мы с дочерью, которую я взял с собой в качестве переводчицы, пришли к дому художника в Салониках к двадцати часам. Я испытывал сильное волнение уже на пороге дома Фарсакидиса. Как встретит меня старый художник, с чего начать нашу беседу? На память пришел рассказ моего любимого раннехристианского автора Евпрепия, в котором он описывает, что в начале своего монашеского пути обратился с вопросом "Как спастись?" к одному старцу и получил ответ: "Если хочешь спастись, то когда придешь к кому-нибудь в гости, не начинай говорить, пока тебя не спросят".

Дверь открыл мужчина средних лет, явно не Фарсакидис. Он сказал, что художник ждет нас и скоро выйдет. Мы поздоровались и, руководствуясь наставлениями мудрого монаха, вежливо молчали. В глубине коридора промелькнул силуэт Фарсакидиса: он издали взглянул на нас рассеянным взглядом и исчез в проеме двери. Через некоторое время он вошел в комнату.

Художник был выше среднего роста, очень худой. Рубашка синего цвета с короткими рукавами висела на нем, как с чужого плеча. Волосы на голове были взлохмачены, как гнездо аиста. Шел он медленной нетвердой походкой. Удивило лицо, на котором почти не было морщин. Слегка прищурившись, он смотрел куда-то вдаль. Потом подошел к огромному овальному столу, занимавшему почти все пространство комнаты, и с помощью секретаря Анны сел на стул напротив нас.

Мы поздоровались и молчали. Фарсакидис тоже молчал. Наконец он по-гречески что-то сказал мужчине, открывшему нам дверь. Голос у него был тихий и скрипучий... Так скрипит старое дерево от сильного ветра.

Мужчина, это был его друг Юрий, тоже по-гречески обратился к моей дочери.

— Он не понимает, кто мы и зачем пришли, — перевела дочь.

Мы пребывали, мягко говоря, в большом недоумении. Особенно дочь, которая несколько дней потратила на поиски телефона художника и на переговоры с секретарями.

— Он бодрствовал всю ночь до утра, и только что проснулся, — добавила Анна.

"Правило монаха Евпрепия не срабатывает, — подумал я, — придется все начинать с начала". И стал сбивчиво рассказывать о цели нашего визита.

Упомянул Всемирный клуб одесситов, Греческий фонд культуры и в заключение своего монолога, еще сомневаясь, понимает ли меня старый художник, произнес:

— Мы будем говорить по-русски, господин Фарсакидис. Вы ведь не забыли язык своей первой Родины?

Фарсакидис задумчиво смотрел вдаль и молчал. Наконец что-то сказал Юрию, а тот перевел нам (оказалось, он знает русский язык, т. к. много лет назад окончил МГУ):

— Господин Фарсакидис уже лет сорок не говорил по-русски. Он попробует. Говорите медленно и громко.

Так началась наша беседа. Я задавал вопросы. А Фарсакидис отвечал очень тихим голосом, едва слышимым в его большой квартире, так что приходилось напрягать слух, чтобы услышать, что он говорил.

Первая Родина

Георгиос Фарсакидис родился в 1926 году в Одессе, на Дерибасовской, 17, в знаменитом доме, в котором первоначально размещался Ришельевский лицей. Когда лицей переехал на Дворянскую улицу, весь комплекс его сооружений приобрел промышленник Вагнер. Здесь родители мальчика купили просторную квартиру, окна которой выходили и на Дерибасовскую, и на Ланжероновскую улицы. Отец, Анастасиос, был родом из Константинополя, где его предки жили с византийских времен, и фамилия его до приезда в Одессу звучала как Фарсакидоглу.

— Он окончил Русское торговое училище в Константинополе, — рассказывал Фарсакидис. — Фактически оно готовило агентурную сеть, которая работала по всей Османской империи: Россия стремилась получить контроль над проливами из Черного моря в Средиземное. Так что можно сказать, что отец был шпионом. Кроме того, он был сторонником создания Великой Греции в границах бывшей Византийской империи по всему периметру Средиземного моря. Еще до первой мировой войны за свои взгляды отец был выслан из Турции в Одессу.

— Господин Фарсакидис, расскажите о матери, — попросил я.

Глаза старого художника потептели. Я знал, что матери Фарсакидис посвятил одну из последних книг, а всего за свою долгую жизнь он издал семнадцать книг и альбомов.

— Мать, Елена Дмитриевна Кива, коренная одесситка, украинка, родом из богатой купеческой семьи. Получив большое наследство, основала компанию "Русские кружева", много разъезжала по России и Европе: товар покупала в Орле, а продавала в Варшаве, Париже и других городах. Натура у нее была артистическая, она хорошо пела, дружила с актрисами Украинского и Оперного театров.

— Вы ведь были маленьким мальчиком, когда вместе с родителями выехали в Грецию. Что сохранилось в Вашей памяти о жизни в Одессе?

Фарсакидис надолго задумался, потом медленно, на ходу вспоминая, отвечал. Нелегкое занятие для девяностолетнего человека — вспомнить о себе шестилетнем.

— Я помню большие деревья на Николаевском бульваре. Помню, что в то время в Одессе был голод. И люди, чтобы выжить, ели голубей и кошек. Помню, как горько плакал, когда эта печальная участь постигла мою любимую кошку Мурку.

Он раскрывает свою книгу "Первая Родина". Это история семьи, жившей в Одессе почти сто лет назад. Мы рассматриваем фото-

графии родителей, сестры, соседей, близких знакомых и друзей, тут же — копии открыток с видами старой Одессы. Все это сохранилось в архиве его матери и продолжает бережно храниться в его архиве.

— Честно признаться, я не понимаю, как моя книга получила высокие отзывы литературных критиков, — признается Фарсакидис. — Ведь греческая грамматика очень сложная и давалась мне с большим трудом. Я воспитан на русской литературе, читал Пушкина, Толстого, Достоевского. Может быть, потому книга получилась интересной, что по технике изложения отличается от греческой литературы.

Чем дольше мы беседуем со старым художником, тем четче звучит его речь, тем правильнее литературные обороты. А ведь в начале нашей беседы я едва улавливал его слова.

Фарсакидис дает мне почитать вырезку из газеты с отзывом на его книгу. Он интересный, привожу его полностью:

"Перед читателями книги предстает романтический облик Одессы: каждый дом — история, каждый камень — легенда; в то же время перед читателями стремительно проносятся бурные события Первой мировой войны, революции, первых лет советской власти... С тонким юмором описаны нравы и обычаи одесситов, дореволюционный быт одесских греков. Естественно, маленький мальчик не мог знать о многих событиях, описанных в книге. Но рассказы родителей в его пересказе звучат очень красочно и убедительно, с сохранением интонации их речи".

"Первая Родина" выпущена афинским издательством "Пория" и сразу завоевала симпатии читателей и критиков. В 1984 году она получила первый приз Общества греческих литераторов. У нас, к сожалению, не издавалась, а ведь это настоящая энциклопедия одесской жизни разных эпох.

"Шаланды, полные кефали, в Одессу Костя приводил"

Постепенно наше общение интервьюера с интервьюируемым перешло в дружескую беседу. Мы сидели рядом и просто разговаривали на разные темы. В основном говорил Фарсакидис, а я слушал и удивлялся безграничным размерам его памяти, вместившей целые эпохи, мельчайшим деталям, которые его зоркий глаз художника отметил и сумел сохранить.

Рассказы матери о его "первой Родине", книги и открытки, которые семья вывезла в Грецию, постоянно укрепляли чувство любви к городу его детства. Поэтому Одесса занимает в мироощущении Фарсакидиса особое место.

После освобождения из тюрьмы он приезжает в Одессу, бродит по улицам. Он как будто заново узнает город. На улицах снова оживают сценки одесской жизни. Почти такие, какие описывала ему мать в своих воспоминаниях. Он приходит в места, где жил с родителями. Это дом Вагнера на Дерибасовской и дом в Красном переулке, где располагалось греческое тайное общество "Филики Этерия", а сейчас находится Греческий фонд культуры. Здесь Георгиос провел последние три месяца перед отъездом в Одессу. Были и встречи с одесситами. Фарсакидис навещал актрису, подругу матери, и передал ей привет и небольшую посылку с греческими сладостями. Та сначала не поняла, что перед ней сын ее подруги Елены Кивы. "Я удивляюсь, — жаловалась она ему, — как Георгиос стал "красным", коммунистом". А когда узнала, что он и есть тот Георгиос, которого она помнила маленьким мальчиком, расплакалась. Этот приезд в Одессу и послужил толчком для написания книги "Первая Родина".

Книги, альбомы, картины художника стали известны не только в Греции, но и в Советском Союзе. Фарсакидис показывает мне вырезки из газет и журналов с публикациями о себе.

В составе греческой делегации его приглашают в Москву на празднование 30-летия Победы над фашизмом. На этом моменте я хочу

остановиться особо, так как он снова связан с нашим городом.

"До нас дошли слухи, — рассказывает господин Фарсакидис, — что городские власти Одессы решили провести реконструкцию площади Мартиновского и снести стоящие по ее периметру здания, в том числе и дома 4 и 6 в Красном переулке, связанные с греческой революцией. Каждый день я, как известный сенатор Древнего Рима, повторял одно и то же при всех встречах. Правда, тот говорил: "Карфаген должен быть разрушен". А я говорил: "Нельзя разрушать старинные здания в Одессе. Особенно такие близкие для двух народов, греческого и украинского".

На встречах присутствовала знаменитая актриса Мариинского театра из Петербурга. Она была очень старенькая, мы называли ее "бабушкой". Благодаря своей известности она входила в самые высокие партийные круги. Вот с ее помощью и удалось остановить те кошунственные действия, которые хотели предпринять партийные власти Одессы. Их "самодетельность" была остановлена в Москве".

Постепенно характер Фарсакидиса раскрывался все новыми и новыми гранями. Годы в тюрьмах не сломали его силу духа и радостное восприятие действительности.

В самый разгар греческой реакции он участвует в митингах на улицах Афин, перед выборами в парламент художественно оформляет агитационную концертную площадку, которую организовала партия коммунистов. Совсем с другой стороны художник открылся, когда показал мне еще две книги: "Философ" и "Лечебная ложь". В них активный трибун, агитатор и общественник предстал как философ и историк. Он создает галерею портретов и характеров, в которых перед читателем предстает другой апостол Павел, Александр Македонский, император Нерон. Взгляд Фарсакидиса на известные исторические факты и оценка характеров выдающихся личностей еще требует переосмысления. Скажу лишь, что Александр Македонский показан не как выдающийся полководец, а как авантюрист, погубивший жизни сотен тысяч людей, а император Нерон не как деспот, самодур и поджигатель Рима, а демократ и выдающийся культурный деятель, пытавшийся возродить традиции античного театра. При нем по всей Римской империи стали восстанавливать старые и строить новые театральные сцены...

И снова возвращаемся к одесской тематике. Секретарь Анна приносит детскую книгу "По белу свету. Путешествия Вани и Сони". Это любимая книга детства Фарсакидиса. Она издана в Москве, в издательстве Сытина, в 1900 году и куплена матерью в букинистическом магазине. Сентиментальную любовь к этой книге художник сохранил на всю жизнь и, уже будучи взрослым, посетил все места, которые описаны в "Путешествии" от лица детей: Финляндию, Швецию, Норвегию, Данию, Германию, Швейцарию, Италию и Австрию.

Особое место в архиве художника занимает коллекция из ста сорока открыток, посвященных Одессе, собранная матерью. В памяти о ней Фарсакидис выпустил книгу, в которой поместил фотокопии открыток.

Время летело незаметно. Пришла вторая секретарь, Элени. Вместе с Анной они соорудили фуршетный столик с бутербродами из морепродуктов и всевозможных лакомств. Мы стоя выпили за здоровье старого художника и писателя. И вдруг наш оживленный разговор был нарушен тихим пением. Фарсакидис пел песни об Одессе. "Мурка", "Одесситка, вот она какая"... Этим художник весьма удивил свое близкое окружение. Они признались, что никогда не видели его таким. А когда Фарсакидис начал петь "Шаланды, полные кефали, в Одессу Костя приводил", тут песню подхватил и я, хотя ранее в песенном жанре никогда не отличался.

Время близилось к полуночи. Мы стали намекать, что уже поздно и нам пора уходить. Фарсакидис расстроился и не отпустил, рассказывая все новые и новые истории, пока дочь не сказала, что будет его навещать в дальнейшем.

На прощание старый грек с Дерибасовской улицы поцеловал моей Оксане, которая молже его на пятьдесят с лишним лет, руку.

Одессит — он и в Греции одессит!